

Татьяна БАКАНОВА

С МОЛИТВОЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ВСЁ

Крещение

Когда ослепшего Адама
Из рая ангел прогонял,
Он равнодушно и упрямо
Руками очи закрывал.

Он телом ощутил страданье,
В нем дух упал и охладел,
И видеть Божества сиянье
Он в мире более не смел.

Изгнанник светлого Эдема,
Грехом и смертью томим.
А ныне – Солнце Вифлеема
Явилось кротко перед ним.

На руку помощи неожиданной
Падет раскаянья слеза.
В воде священной Иордана
Прозреют темные глаза.

Епископ Геннадий (Глаголев)
19 января 2013

Верующий вы человек или нет, но имя Господа не раз слетало с ваших уст. Наша речь наполнена присказками и поговорками, которые, казалось бы, высказывают сами собой, помимо нашей воли и мысли. Вспомните утреннее ободряющее «Кто рано встает, тому Бог дает», и как при удаче радостно восклицаем: «Слава Богу!», а увидев что-то страшное, неприятное или странное, говорим: «Господи, помилуй...» или «Боже мой...», в делах желаем: «Бог в помощь», об успехе в задуманном говорим: «С божьей помощью», неуверенному скажем: «На Бога надейся, а сам не плошай», о неясном будущем – «Неисповедимы пути Господни», про везунчика, что он «у бога за пазухой», о любой живности, что это «тварь божья», на милоту – «у те божечки», а при несправедливости намекнем, что «Боженька всё видит...» или даже так: «Господь не Ерощка, видит немножко», а где-то и как угрозу – «Все под Богом ходим», ну а тем, кто излишне свят, прилетит, что негоже поминать Господа всуе. Что это? Влияние среды, окружения? Или записанное на подкорку знание, что есть высший порядок и Тот, кто его создал, к кому обращено наше искреннее «Спаси и сохрани»? Народ-то на присказки горазд, но к нашему сознанию прилипает только то, что находит неоднократное подтверждение.

С определенного возраста в мою атеистическую голову всё настойчивее стали приходить мысли об устройстве миропорядка. Оказалось, силами природы (читайте – законами физики) и эволюцией всё не объяснить. А самое главное, остается необъяснимым наличие морали и совести у такого млекопитающего, как человек (впрочем, нам стоит молить Создателя, чтоб эти качества не перешли в разряд атавизмов). И честно скажу вам, как же хотелось пообщаться на эти темы со знающим человеком! Мне повезло.

В 2025 году судьба свела меня с удивительным человеком – кандидатом богословия, бывшим ректором Алматинской духовной семинарии епископом Каскеленским Геннадием. Впервые мне рассказал о нем известный кинорежиссер А. Ф. Головинский, который был в туре по новым храмам Алматы с посещением Храма святого князя Владимира в Баганашиле, где епископ служит настоятелем. Александр Фёдорович поделился со мной впечатлениями о поездке, и в том числе поведал свою историю знакомства с владыкой у памятника Пушкину. Епископ Геннадий Гоголев – поэт, член Союза писателей России, входит в состав Творческого совета СП РФ по духовно-нравственной литературе. Мне же познакомиться с владыкой помог

великий Абай Кунанбаев. Наши подписчики могли читать его знаменитые «Слова назидания» в стихотворном переложении епископа Геннадия в «Просторе» за номером восемь прошлого года. Для меня было честью вручить авторские экземпляры журнала, и, конечно, я воспользовалась случаем и попросила разрешения на несколько бесед.

Мы встретились в классе воскресной школы Свято-Никольского храма города Алматы 19 декабря.

– **Сегодня праздник...**

– Да, сегодня так называемый Зимний Никола, День памяти Святителя Николая. Один из самых почитаемых именно в русской традиции святых, хотя по происхождению он грек. Святой четвертого столетия. Как ни странно, он почитается больше, чем многие наши отечественные святые более поздних лет. Такое чудо.

– **Чудо. Но, наверное, заслужил?**

– Да, в любом храме, в любом монастыре, который носит имя святого Николая, вам обязательно расскажут истории, как Святой Николай помогал конкретным людям, по их молитвам являл чудеса. Этот опыт, как мы говорим, церковный опыт, свидетельствует об особой силе Святого Николая.

– **Я думаю, это еще наглядный пример того, что всё-таки мы не одни на этой земле?**

– Ну, конечно, мы не одни. И не нужно искать какие-то внеземные цивилизации. Есть, знаете, такое современное, может быть, научное, а во многом даже псевдонаучное увлечение – стремление найти инопланетян, внеземные цивилизации. Это не тот путь. Правильный путь – это путь религиозный, который заключается в том, что мы верим в вечную бессмертную жизнь, в то, что человек один раз сотворен и уже не умирает никогда, просто переходит в другое состояние. И некоторые люди, которых мы называем святыми, от Бога удостоиваются каких-то особых духовных даров. Так что потом, уже после своего отхода от земной жизни, продолжают участвовать в промысле Божьем, то есть через этих святых людей Бог подает нам какие-то свои дары, помогает

нам. И православный народ очень чутко относится к такой помощи угодников Божьих, будь то Святой Николай или Матрона Московская. Они рядом с нами.

– Совсем немного осталось времени до, наверное, самого главного праздника, до Рождества.

– Начнем с любопытного факта – в западной традиции, в западном христианстве действительно главным праздником считается Рождество, а в русской традиции главным считается Пасха. Это факт, но почему так произошло?

– Интересный вопрос. Мне кажется, что это потому, что мы до последнего верим в лучшее, и Пасха как бы про это, всё-таки воскрес, не ушел...

– Очень интересно, да. Русский человек, он более мистически настроен. Рождество больше земной праздник, то есть это праздник, когда всё земное пространство обоживается. Конечно, это семейный праздник. В Рождество семья преображается явлением Христа. То есть он земной, но не совсем земной. А Пасха – это уже совсем не земной праздник. Это праздник, идея которого устремлена в жизнь будущего века.

Каждый праздник церковный имеет свою главную краткую молитву. Эта молитва называется тропарь. Вот тропарь на Рождество: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» Мы говорим о том, что здесь, в мире, Рождеством воссиял свет. А тропарь Пасхи звучит так: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». Он устремлен в жизнь будущего века, в эти таинственные сферы. Это глубоко мистический праздник. Такой характер, с одной стороны, воспитанный православным христианством, но с другой стороны, характер, который свои истоки берет еще раньше, чем проповедь христианства. По своему характеру славянские народы очень мистически настроены. У кого-то из поэтов Серебряного века есть слова про русского крестьянина: «...он здраво судит о земле, в мистической купаясь мгле...» Это весьма точно подмечено.

Возьмите просторы Семиречья и Великой степи. Их осваивали переселенцы из России. С одной стороны, это были люди, которые крепко стояли на земле, нужно было иметь практическую решимость, чтобы приехать сюда добровольно. Это при Сталине подневольно сгоняли, а в девятнадцатом веке – столыпинская реформа, добровольное переселение. То есть нужно иметь практическую сметку, какой-то расчет. А с другой стороны, везде, куда приезжали, первым делом устраивали храм. То есть без храма всё равно не могли.

– Надо на кого-то надеяться...

– Не то чтобы надеяться, а надо жить с кем-то. Ведь храм люди строят не для того, чтобы смотреть на него со стороны. Хотя и это в наше время хорошо. Храм строят, чтобы каждое воскресенье там быть. И не только воскресенье. В первую неделю Великого поста каждый день нужно быть в храме. И всё это происходило. Храм строили для того, чтобы в нем жить, чтобы в нем общаться с Богом.

– Мы сейчас затронули такую интересную сторону, как мистика. А есть еще и другая. Как относиться ко всяким поверьям, когда говорят, что можно делать в праздник, чего нельзя?

– Это абсолютные глупости. Всё можно делать. Жизнь-то идет. Я даже не знаю, как так характеризовать, что можно, что нельзя делать! В воскресенье нужно прийти в церковь, и в другой праздник нужно прийти в церковь. Вот и всё.

Мы не будем еще забывать, что только после принятия христианства в качестве государственной религии, а это у нас середина четвертого столетия,

воскресенье стало выходным днем. А на протяжении трех столетий день воскресения Христа из мертвых был будним днем. И мы имеем самые древние, самые первые описания, как совершалось таинство святого причащения. Был такой преподобный Иустин Философ, Иустин Мученик. Ему принадлежит одно из первых описаний таинства Евхаристии – рано утром на восходе солнца, где-то на окраине города, вдали от людских глаз, собиралась христианская община. Все причащались телу и крови Христа. Пресвитер претворяет хлеб и вино в тело и кровь Христа. Все причащались и шли трудиться.

Если что-то плохое нельзя делать, так никогда нельзя делать плохое. А если что-то хорошее, то как можно не делать хорошее, тем более в праздник?

– Как верно! У меня есть еще вопрос о крещении. Распространенная ситуация – окрестили в детстве, но не воспитывают в вере. Больше, что человек усваивает на всю жизнь, что за что-то «Боженька накажет», и на Пасху яички красим. Есть ли в этом тогда смысл?

– Да, я сталкивался с такими рассуждениями. Сейчас это свойственно творческим людям. Вот одна из последних историй на эту тему.

Отец Владимир Вегелянский живет в Переделкино, в писательском поселке, у него супруга – известная поэтесса Олеся Николаева, я много раз был у них в гостях. Он очень близко дружил с Андреем Вознесенским, как, впрочем, и со всеми остальными, кто живет рядом. И вот, говорит, сколько я разговаривал с Вознесенским насчет крещения, он всегда отвечал так: «Ну зачем мне? Какое крещение?» А я и так, и так. И слушайте, за несколько лет до смерти он его покрестил. Я спросил: а что послужило окончательным аргументом? А следующее, говорит, послужило. Я ему сказал – причем сам не ожидал, что так подействует, а вот на великих поэтов это действует – сказал так: ну вот, жалко, вы умрете, а за вас ведь нигде в храме никто даже ни записки не подаст и не помолится. В храме молятся только за крещеных людей. И, говорит, его это так поразило, что его забудут в храме. То есть если он крестится, за него будут молиться, а так его забудут. Понимаете? И он тут же – всё, всё, крестимся! Конечно, он внутренне был готов.

А есть еще такое понятие – таинство. Что это такое – таинство и священнодействие? Крещение зачастую воспринимается как пионерская или военная присяга. Пообещал и исполняй. Всё. Это очень поверхностное отношение к крещению. Нужно следовать учению Иисуса Христа, а мы не можем сомневаться, что это учение, которое сам Иисус Христос нам оставил, потому что есть некая историческая непрерывность: сначала это были непосредственные ученики, евангелисты, Матфей, Лука, Иоанн, потом апостол Павел, потом так называемые мужи апостольские, Климент, Варнава и так далее, первые мученики, тот же Иустин. То есть идет прямая цепь свидетелей, которая восходит к Христу, и с этим не поспоришь. И мы делаем то, что нам Христос заповедал.

Так вот, настоящее понимание таинства состоит в том, что это не только человеческое обещание, не только человеческая воля, это не только движение с земли наверх в лице человека, это еще и движение сверху вниз. Посредством таинств Христос преподает свою благодать, свою энергию, свою силу, силу Святого Духа. Любое таинство – это когда благодаря молитве священника, благодаря каким-то веществам мы получаем божественную благодать, силу божественную. И, соответственно, человек, который не принял таинственного крещения, который не имеет в себе вот этой благодати, он никакого отношения к церкви не имеет. И, соответственно, к Богу он не имеет никакого отношения.

– Я слышала, что нет научного объяснения, почему у зародыша начинает биться сердце. Есть ли это Божья искра? Если ее дает Господь, то это ли не свидетельство того, что мы уже получили благословение на жизнь?

– Да, поэтому аборты запрещены, светская публика категорически не принимает, а церковь настаивает, что нельзя делать аборты.

– **Тогда крещение – это уже повторное благословение?**

– Дело в том, что ребенок, когда он во чреве матери, не имеет свободы. А крещение нужно нам в тот момент, когда человек получает вот эту свободу. И тогда человеку просто необходимо действие благодати. Как только он рождается, где-то на сороковой день уже можно крестить.

– **Но получается, это выбор родителей.**

– Да, безусловно, это выбор родителей. Но родители же, если ребенок болен какой-то болезнью, не ждут, когда он вырастет и будет в состоянии сам выбирать себе лекарство. Поэтому они стремятся заручиться поддержкой божественной благодати, стремятся к тому, чтобы благодать Божия действовала на ребенка с его младенчества. Потому что все мы рождаемся с первородным грехом от Адама и Евы, с направлением воли ко злу. Это надо исцелять.

Вам любой священник скажет, насколько отличаются крещенные дети, которых с младенчества носят, а потом водят в храм и причащают. Это совершенно другие дети, это видно. Более уравновешенные, спокойные, послушные, если хотите. Уже с четырех-пяти лет видно, церковный это ребенок или нет.

Духовная жизнь человека – это взаимодействие воли человека и воли Бога. И одно без другого не действует. Бог насильно никого к себе не приводит. Если человек в силу своей расположенности ко злу отказывается от Бога, ну что ж, Бог попускает ему. С другой стороны, человек только своими усилиями не может достичь каких-то духовных совершенств. Утопающий не может себя за волосы вытянуть. Поэтому без воли Божьей тут никак не обойтись. Этому взаимодействию есть богословское понятие – синергия.

– **Хорошее понятие, его часто используют...**

– Да, сегодня уже заезженное...

– **Мы с Вами обсудили сразу и Рождество, и Крещение, два праздника, которые нас ждут в январе. А нужно окунаться в купель или в общественные водоемы?**

– Знаете, когда мы делаем эти купели, народ приходит, но бывает, что они только-то раз в год и приходят, чтобы в эту купель окунуться. Ну и слава Богу, поэтому только одобрение. А купание в проруби духовного значения практически не имеет.

– **А вода все-таки святая?**

– Вода может быть носителем божественные энергии, но только та, которая освящена. Вода освящается непосредственно в храме – 18 и 19 января. А то, что якобы в полночь вся вода освящается, относится к фольклору.

– **Когда приглашают в организованный тур по нескольким храмам, это хорошо?**

– Очень хорошо.

– **А есть еще такая практика: когда чего-то хочешь, нужно объехать семь или девять церквей...**

– Это попытка магии. Вообще, это отдельно очень глубокая и большая тема – магическое религиозное. Очень кратко и просто объясню, в чем суть. Это про магическое отношение к миру. Оно свойственно религиям пантеистического характера. Пантеизм – это всебожие. Это представление о

Боге, который не есть личность, а который есть в лучшем случае разумный дух, как у Гегеля. А в худшем – это просто энергии, разлитые в пространстве. И наш мир материальный – это сконцентрированные материализовавшиеся энергии. И вот в таком мире магия работает. Потому что раз есть энергии, то с ними надо обращаться так же, как мы обращаемся с какими-то стихиями, с водой, с электричеством, мы можем заставить работать их на себя.

А в теистических религиях, а это христианство, ислам и иудаизм, совершенно невозможен какой бы то ни был магический подход. Просто невозможен. Потому что в нашем представлении Бог есть Личность. Ты даже человеческой личностью, даже своим сыном не можешь управлять, взрослыми людьми не можешь управлять. И Богом невозможно управлять. Поэтому наша задача, как в молитве Блаженного Августина, «Господи, дай мне сделать, что ты велишь», понимаете? И какие тут семь, восемь храмов? Это всё такая глупость, пережиток. Но не будем забывать, что история человечества не знает более дикого люда в религиозном отношении, чем советский и постсоветский народ. Нам очень долго всё это переживать.

До представления о Боге как о личности нужно дорасти, а дорасти можно только имея личность. А начинается всё с крещения, с вхождения в церковь, с участия в церковных таинствах. Хотя бы элементарно с того, что книги читать и размышлять.

Люди изменились. Мы совершенно не понимаем ни античности, ни средневековья. Конечно, какие-то базовые страсти остаются. В православной аскетике считается, что человеком владеют попеременно восемь страстей. Помните Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...», «...Я написал бы восемь строк / О свойствах страсти...»? Восемь страстей. Их принято располагать парами. Сребролюбие и гнев, объедение и блуд, гордость и тщеславие, уныние и печаль. Это классическая православная аскетика. Эти восемь страстей попеременно владеют человеком в разных комбинациях.

Ну, понятно, что Фрейд всё это сводит к одной. Юнг писал о четырех архетипах. Когда эти психологические школы читаешь, они смешно выглядят. Есть православная аскетика, которой вообще-то две тысячи лет. И тут появляется какой-то психолог, который считает, что он десять-двадцать лет работает и открыл что-то новое. Что тут можно нового открыть?

Есть пятитомник, называется «Добротолюбие». Он был сформирован в начале XIX века преподобным Никодимом Святогорцем, греческим писателем, а в середине XIX века переведен на русский язык святителем Тамбовским Феофаном Затворником. Это толстые тома аскетических произведений. Вот это считается классикой, просто поинтересуйтесь. Пять томов, где просто обо всем тебе написано, как с этим бороться, как с этим жить. Вот это православная психология.

А база – это молитва. С молитвой человек может всё. С Богом всё может.

